

ОТЗЫВ официального оппонента
на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических
наук Ковалева Александра Сергеевича на тему: «Правоимущественные
отношения в пост-римской Италии: исследование сочинений
Кассиодора» по специальности 5.6.2. Всеобщая история

Актуальность темы диссертационного исследования А.С. Ковалева обусловлена необходимостью дальнейшего изучения сложной и дискуссионной трансформации античного общества в средневековое. Признавая важность духовной культуры и цивилизационного подхода для осмысления данного процесса, историк не может не учитывать и его материальную основу, в том числе эволюцию правового регулирования отношений по поводу имущества. Особый интерес в этой связи представляет Италия первой половины VI в., где институты классического римского вещного права подверглись адаптации («вульгаризации») к новым социальным условиям. Этот важный, но все еще недостаточно изученный феномен наиболее полно отражен именно в собрании делопроизводственных документов остготских правителей Италии, созданных римским сенатором Кассиодором в 507–537/8 гг.

Во *введении* диссертант корректно формулирует все необходимые параметры научно-квалификационной работы: объект, предмет, цель, задачи, хронологические рамки, методологическую основу. Но есть и дискуссионные моменты в параметрах исследования.

Обстоятельным историографическим обзором (С. 6–36) диссертант демонстрирует не только глубокое знание отечественной и зарубежной литературы (от классических трудов до новейших публикаций), но и умение выявить пробелы в изучении проблематики, заполнение которых обеспечивает научную новизну его собственного исследования. Вместе с тем автор более погружен в антиковедческие и социально-исторические исследования в ущерб догматике римского вещного права, без которой не понять специфику квазигирических понятий «вульгарного права» в

понимании Э. Леви. В частности, имело смысл учесть позицию Ф. Савиньи, Р. Иеринга, Д. Норра, К. Бальдуса, А.Д. Рудокваса и др.¹.

Исследование опирается на солидную *эмпирическую базу* (С. 37–47, более 60 позиций в библиографии), соответствующую заявленному междисциплинарному подходу (С. 6): прежде всего, корпус сочинений Кассиодора (11 трудов), а также широкий круг иных первоисточников римской античности, включая правовые памятники (Эдикт Теодориха, Кодексы Феодосия и Юстиниана), актовый материал, нарративные тексты, а также данные эпиграфики и археологии.

Методология исследования (С. 47) в целом адекватна его междисциплинарному замыслу, но не вполне обоснованно отдает приоритет методам немецкой и кембриджской школ истории понятий в ущерб историко-догматическому толкованию источников в романистике. Цель диссертации (С. 48) и ее основные положения подразумевают выявление специфики правового оформления социальных отношений по поводу имущества, а не осмысление движущих сил истории в категориях «Словаря основных исторических понятий» (М.: НЛЮ, 2014) и не лингвистический анализ частей речи латинской литературы.

Структура работы (введение, 3 главы, заключение, библиография) ясна, логична, но неоправданно много объема отводит неизбежно поверхностному тысячелетнему историческому обзору римского вещного права (глава 2), тогда как цель диссертанта – установить «специфику

¹ Savigny F.C. v. Das Recht des Besitzes: Eine civilistische Abhandlung, (Heyer, 1803); Ihering, R. Über den Grund des Besitzschutzes: eine Revision der Lehre vom Besitz (Jena, 1869); Иеринг Р. Дух римского права на различных ступенях его развития : в 3 ч. Ч. 1 / Пер. с 3 изд. (СПб., 1875); Nörr D. Die Entstehung der longi temporis praescriptio: Studien zum Einfluß der Zeit im Recht und zur Rechtspolitik in der Kaiserzeit. (Springer, 2013); актуальная точка зрения L. Capogrossi Colognesi и Ch. Baldus см. The Oxford handbook of Roman law and society, ed. by P. Du Plessis et al. Oxford University Press, 2016 (главы 40–41); Vandendriessche S. Possessio und dominium im postklassischen römischen Recht: eine Überprüfung von Levy's Vulgarrechtstheorie anhand der Quellen des Codex Theodosianus und der posttheodosianischen Novellen / S. Vandendriessche. – Hamburg : Verlag Dr. Kovač, 2006; Кофанов Л.Л. Система римского публичного права эпохи Республики и Принципата. (М., 2020); Рудоквас А.Д. Спорные вопросы учения о приобретательной давности. (М., 2011).

правоимущественных отношений в пост-римской Италии... в сравнении с позднеримской эпохой» (С. 48). Подтверждением тому положения, выносимые на защиту, ни одно из которых прямо не связано с периодами римского архаического и классического права.

Широкая историографическая и эмпирическая база в сочетании с комплексной методологией историко-правового исследования в целом позволили диссертанту решить все поставленные задачи (С. 48–49), сформулировав *обоснованные и достоверные положения, выносимые на защиту* (С. 52–54). На основе глубокой источниковедческой критики (глава 1) автор констатирует достоверность и репрезентативность избранного первоисточника для цели своего исследования (положение 1). Переходя от источниковедения к имущественным отношениям в позднеримском обществе, диссертант убедительно обосновал значимость как внутренних (юридических), так и внешних (налоговых, хозяйственных) факторов для правового оформления отношений по поводу имущества (положение 2, глава 2). Наконец, исследование завершается реконструкцией понятийного аппарата имущественных отношений в постримской Италии с опорой на данные основного первоисточника (глава 3), в результате которой автор констатирует «размывание» терминологии позднеантичного римского права (положение 3) в контексте характеристики правовой культуры Остготского королевства (положение 4).

Указанные положения обладают *научной новизной* благодаря комплексному методологическому подходу к изучению предмета исследования (специфики «правоимущественных отношений» постримской Италии, С. 48) с опорой на широкую эмпирическую и историографическую базу. Диссертант вносит заметный вклад в осмысление отечественными историками роли правовых форм принадлежности имущества для трансформации позднеантичного общества в постримское.

Диссертация прошла необходимую апробацию. Основные положения диссертации были представлены на международных и всероссийских

конференциях, в том числе за рубежом (Университет Лозанны), и отражены в 8 научных статьях общим объемом 6,7 п.л., опубликованных в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ.

Вместе с тем содержание диссертации дает основание высказать ряд замечаний, связанных с моей историко-правовой специальностью и стремлением диссертанта осветить юридический аспект имущественных отношений в постримской Италии.

1. Представление результатов исследования права иной цивилизации (в том числе античной) на русском языке всегда ставит исследователя перед проблемой несовпадающих представлений о праве в прошлом и настоящем. Для современного российского юриста право — это система общеобязательных, формально определенных норм, установленных и (или) признанных государством. Классический римский юрист мыслил право (*ius*) как комплекс средств защиты интересов полноправных субъектов, созданных преторами в ходе судопроизводства и доведенных юристами до искусства доброго и справедливого (*ars boni et aequi*, D.1.1.1pr.). Для средневекового профессора-схоласта право предстало отражением естественного разума в священном тексте Свода Юстиниана VI в. и церковных канонах. Германцы видели право на острие своего меча и отстаивали его в судебных поединках. Разумеется, от понимания права в конкретную эпоху зависит и трактовка его понятийного аппарата, и подход к правовому регулированию (сегодня — от права к иску, в Риме — от иска к праву). Между тем диссертант не ставит и не решает проблему понимания права Кассиодором и его современниками постримской Италии. Представленный им в диссертации анализ посвящен главным образом семантическому анализу словоупотребления в первоисточниках, без обращения к правомочиям и процессуальным средствам защиты, столь важным для классического римского права. Означает ли это, что представление о римском праве в

VI в. осталось прежним, классическим, или оно изменилось, но не поддается реконструкции? В этой связи также целесообразно прояснить, что именно диссертант подразумевает под «чисто юридическими» (С. 53) и квазигиридическими понятиями при обозначении имущества и способов его принадлежности (*res, bona, facultas, substantia*; (С. 178, 193-194, 197).

2. Как для современного, так и для римского гириста принципиальное значение имеет разделение норм права (*regulae*) и их реализации в поведении субъектов (сторон) правоотношений. Содержание этих отношений составляют права и обязанности сторон по поводу имущества, а также меры ответственности. Диссертант обоснованно посвящает свое исследование «правоимущественным» отношениям как реализации норм права относительно имущества в поведении, но при этом на защиту выносит положения, посвященные понятиям римского вещного права (их смыслу, соотношению). Но за лексическим анализом не следует гиридической трактовки правомочий и обязанностей субъекта (собственника, владельца, наследственного арендатора, налогоплательщика), хотя актовый материал Равеннских папирусов (Италия) и Табличек Альбертини (Вандальская Африка) привлечен в §3 главы 3 (С. 175–184).
3. Заслуживает поддержки нацеленность диссертанта провести комплексную реконструкцию эволюции права собственности и владения с учетом экономического и политического контекста поздней античности. Вместе с тем автор признает значение «развития самого права» (положение 2, С. 52) и стремление Кассиодора «гиридизировать» владение и собственность (положение 3, С. 53). Считаю необходимым пояснить, что имеется в виду. Идет ли речь о восстановлении гиридической терминологии классического римского права и формулярного гражданского процесса или о становлении иного

понятийно-категориального аппарата «вульгарного» римского права и иного (экстраординарного?) процесса?

4. Неотъемлемой частью классического римского права являлось последовательное разделение права на публичное (защищавшее интересы республики) и частное (о пользе отдельных граждан; D.1.1.1.2). Вещные права (*iura in rem*) римских граждан юристы однозначно относили к частному праву (Гай, Институции, кн. 2–3), тогда как налогообложение составляло предмет права публичного и не определяло содержание владения или собственности. Однако из основных положений диссертации не ясно, повлияло ли (и как именно?) на частноправовую природу вещных прав расширение налоговой базы в поздней Римской империи? И насколько обосновано экстраполировать авторский вывод о собственности по данным «*Variae*» Кассиодора на всю постримскую Италию, а тем более на другие германские королевства (С. 158, 208)?
5. Исследуя «правоимущественные отношения» в постримской Италии (глава 3), диссертант без достаточных объяснений ограничивает предмет римского вещного права правами на собственные вещи (*dominium, proprietas, possessio*). Означает ли это выход из употребления прав на чужие вещи (*iura in re aliena*, в т.ч. сервитут, узуфрукт, узус, хабитацио, эмфитевзис, суперфиций, залог), или размытие границы между вещными и обязательственными правами (например, арендой) к VI в., например, ввиду отказа от системы вещных исков классического римского права?
6. Диссертант обоснованно уделяет главное внимание в исследовании понятиям римского права, обозначающим вещи (имущество) и их принадлежность субъектам. Между тем цель диссертации подразумевает и решение проблемы влияния неравного социального положения субъектов постримской Италии (привилегированной римской знати, готов, церкви и клириков, лично свободных, а также

экономически и лично зависимых колонов, слуг) на правовое регулирование имущественных отношений.

Помимо перечисленных выше концептуальных историко-правовых замечаний, текст диссертации дает основания для второстепенных композиционных, стилистических и грамматических замечаний. Однако все они носят дискуссионный характер и не снижают общей высокой оценки представленного исследования.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.6.2. Всеобщая история, а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ковалев Александр Сергеевич заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история.

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения
международно-правового факультета
ФГАОУ ВО «Московский государственный
институт международных отношений (университет)

Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Подписчик Дмитрий Юрьевич

«20» марта 2026 г.

Контактные данные:

Т

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация:

12.00.01 – Теория и история права и государства; история учений о праве и
государстве.

Адрес места работы:

119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76,

Федеральное государственное автономное учреждение высшего образования

«Московский государственный институт международных отношений

(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Телефон: +7 (495) 229-40-49; e-mail: tpisp@inno.mgimo.ru